

Алёна Шахнина

Сыграем
в игру?

Алёна Шахнина
Сыграем в игру?

«Литнет»

2026

Шахнина А.

Сыграем в игру? / А. Шахнина — «Литнет», 2026

Бесплатно в процессе и три дня после завершения ♥️#Она думала знает, что такое ад. Но он доказал обратное. Лиза должна разрушить бизнес Сергея и притворяться другой. Он знает, кто она и затевает свою игру. Жесткую, где нет места для жалости. Он грубит — она молчит. Он унижает — она терпит. Он игнорирует — она пытается привлечь внимание. Кто победит в этой игре, если вмешиваются старые травмы, общий враг и непрощенные чувства? Будет ли победитель, если любовь не играет по правилам?

© Шахнина А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава №1 Лиза	5
Глава № 2 Сергей	9
Глава № 3 Лиза	12
Глава № 4 Сергей	16
Глава № 5 Лиза	19
Глава № 6 Сергей	24
Глава № 7 Лиза	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава №1 Лиза

Телефон слегка подрагивал в моих пальцах. Я терпеливо ждала, пока Андрей рассмотрит фотографию на экране и скажет что-нибудь внятное. Он нервно, слишком резко поправлял воротник на белой рубашке, словно ему не хватало воздуха. Думал, напряженно сжимая губы, решая — соврать мне или сказать правду. Но врать было бессмысленно, на снимке отлично видно его лицо и даже коричневая родинка на правом виске. Никакой ошибки, в кадре — он.

— Ничего не было, — сказал Андрей, поднимая взгляд зеленых глаз. — Я просто ей помог.

Это было ожидаемо. Выставить себя благородным принцем? Да, как же это в его духе. Андрей весь такой правильный, добрый, надежный. Если не знать, чем он занимался, прикрываясь своим бизнесом.

— Ты держишь её за талию! — воскликнула я дрожащим голосом и быстро смахнула слезу. — Думаешь, я поверю, что ты просто помог?

Андрей попытался подойти ближе, взять за руку, успокоить, но я отшатнулась, не позволяя притронуться к себе. Его жалостливый, виноватый взгляд нисколько меня не тронул, потому что фотография убедительна без слов.

— Прости меня, — тихо сказал он и протянул руку. — Давай поговорим, я всё объясню. Эта девушка... я даже не знаю её. Она плохо себя чувствовала, я помог ей дойти до такси. Посадил в машину и всё.

Я медленно убрала телефон в маленькую черную сумку и снова вытерла слезы, что текли по моим щекам. По фотографии сложно понять, что именно происходило между ним и девушкой в коротком белом платье, но его рука лежала у неё на талии, и этого достаточно.

— Нет, — сказала я и отступила к двери. — Ты знаешь, что меня предал бывший парень. Знаешь, как тяжело я отходила от предательства и пообещала себе такого больше не прощать. Это конец, Андрей. Я ухожу, не пиши и не звони мне больше.

Его грустный взгляд пытался разжалобить меня, но я быстро развернулась на каблуках и вышла из квартиры. Андрей не попытался остановить меня или догнать, спокойно дал уйти, и я сразу заблокировала его номер в телефоне. Наверняка он попытается связаться со мной позже, когда я успокоюсь, пойму, что потеряла самого лучшего парня на свете. Может, отчасти так оно и есть — Андрей не худший из всех мужчин, что были у меня. Заботливый, нежный, готов был весь мир положить к моим ногам. Терпел мои капризы, непростой характер, патологическую ревность. Возможно, он даже любил меня, но смысла в этом нет.

В машине я сразу отогнула козырек и посмотрела в маленькое прямоугольное зеркало. Слезная дорожка стерла тональник, и пришлось влажными салфетками вытирать всё лицо. Я безжалостно протерла щеки, потом нос и лоб, убирая так тщательно намазанную косметику.

Убрав салфетки обратно в бардачок, я набрала номер на телефоне и поставила на громкую связь. После двух гудков раздалось громкое:

— Да, малышка.

— Я не поняла, — сказала я, рассматривая себя в зеркале, — ты купила новое платье и не похвасталась?

Сначала в трубке прозвучала тишина, но уже через секунду Лика хихикнула и довольным голосом отчиталась:

— Понравилось? Специально не стала тебе говорить, хотела проверить — заметишь ты или нет.

— Конечно, заметила! — Я улыбнулась и задвинула козырек. — Платье отпад!

— Только Андрей твой не оценил, — вздохнула подруга. — Даже не попытался нащупать, что там под ним.

Я завела двигатель и тронулась с парковки, сразу выруливая на дорогу.

— Мне его даже жаль немного, — честно сказала я. — Глаза такие грустные.

— Прекрати, Лиз, — застонала подруга. — Нечего его жалеть.

— Его прессуют сейчас, журналисты пасут. Он получил по заслугам. — Я посмотрела по сторонам и добавила чуть бодрее: — Зря ты его не докрутила, он нормальный парень. Из всех, с кем я работала, он самый... достойный.

— Ага, и теперь нищий будет. Нет уж, спасибо.

Я улыбнулась телефону, но на душе скребли кошки. И так каждый раз после задания. Мне нужно было время, чтобы забыться и забыть, перестать чувствовать вину.

— Детка, прекрати себя корить. Я знаю, что ты теперь переживаешь. Поверь мне, он этого не достоин. Как и остальные, — успокаивала меня Лика.

— Да, ты права, — выдохнула я, но кошки из головы не ушли. — Ладно, у меня новое задание от шефа, вечером позвоню расскажу.

Лика чмокнула телефон и отклонила вызов, а я прибавила скорость. Ещё вчера босс написал о новой задаче, и поэтому пришлось ускорить расставание с Андреем. А так, возможно, я бы ещё немного побыла с ним, потому что он стал одним из немногих, в чьи чувства я поверила. Окруженная заботой, я была настоящей девушкой — такой, какой хотела быть всегда. Правда, к нему я не испытывала ровным счетом ничего, но ведь это не главное.

Офисный центр располагался на самой оживленной улице в городе. Здесь всегда шумно, пыльно и многолюдно, даже в разгар рабочего дня. Я поднялась на большом лифте и прошла по светлому, просторному коридору в кабинет шефа. Уже на пороге махнула рукой секретарю и нырнула в помещение, где всегда отвратительно пахло сигаретным дымом.

Мой директор, сорокалетний Юрий, громко разговаривал по телефону, размахивая руками. Увидев меня, он кивнул на стул, и продолжил отчитывать кого-то, не стесняясь в выражениях. От скуки я разглядывала грамоты и газетные вырезки на стене, где издание «По правде» нахваливали за расследования и достижения. Я хмыкнула от иронии — в последние два года газета держалась только на мне. А точнее, на моей женской красоте. Я сильнее сжала сумку — подарок от последнего «объекта», как их называл Юрий.

Для шефа все, кто попадал в поле зрения его издания, были объектами. Они не были мужчинами, лишь бизнесменами, хранящими страшные тайны. И эти тайны были той самой вишенкой на торте, которую Юрий приносил читателям. Я же была тенью.

— Уроды! — выругался босс и бросил телефон на стол.

Я не стала спрашивать, что случилось — меня это не касалось. О вспыльчивости шефа ходили легенды, поэтому в трубке вполне мог быть курьер, обещавший приехать на час позже положенного.

— Так, Лиза, новое задание. Может, слышала, Соколов, бизнесмен. Открыл благотворительный фонд, есть подозрение, что через него отмывает деньги, — сказал Юра и провел рукой по седеющим темным волосам. — Взносы там ого-го какие, а вот сколько по факту тратится, а сколько уходит ему в карман — нужно выяснить.

Я покивала головой, внимательно выслушав шефа. Собственно, ничего нового. Каждый бизнесмен, с которым мы работали, имел свой собственный скелет в шкафу.

— Ему как раз сейчас нужен помощник, и я уже отправил твое резюме. Так что одевайся во что-нибудь строгое, и езжай. Собеседование через два часа.

— Женат? Дети? — Я сразу включилась в работу.

— Официально нет. О нем вообще мало информации. Не публичная личность, — вздохнул босс. — Но уж очень он популярным стал, надо накопать на него что-нибудь.

Юрий протянул мне листок с моим резюме, которое я и так знала наизусть. Филькина грамота, ни слова правды, но на других условиях сотрудничать я не готова. Если кто-то из

«объектов» поймет, что в крахе их бизнеса замешана я, они наверняка начнут меня искать. Зачем мне проблемы?

Забрав листок, я уехала домой, в свою небольшую, но такую уютную квартиру вдали от суеты и шума. Мой дом находится за высоким забором рядом с большой парковкой для машин местных жильцов. Среди них три моих автомобиля — я меняла их после каждого задания, а потом продавала и покупала новые. Несмотря на обещанную Юрием защиту, я побаивалась гнева обманутых и брошенных мужчин, каждый из которых имел огромные связи и деньги.

Дома я надела белую классическую рубашку и серую юбку-карандаш до колен. Нанесла легкий макияж и собрала волосы в тугий пучок. Долго крутилась перед зеркалом, решая — надевать очки для полного образа или не стоит. Решила, что и без очков выгляжу, как типичная секретарша, выскочила из квартиры и уехала по адресу, который мне дал Юрий. Машину взяла самую скромную — Ладу Весту белого цвета. Она отлично дополняла образ помощника, нуждающегося в работе, и если этот Соколов будет следить за мной, то увидит вполне себе недорогую машину.

В офис бизнес-центра я приехала за пять минут до собеседования и поднялась на второй этаж, по пути изучая, чем занимается Соколов. Ничего особенного — транспортная компания, доставка грузов авиа- и автомобильным транспортом. Была компания среднячком, а за последние полтора года резко взлетела на рынке. Год назад бизнесмен открыл собственный благотворительный фонд, куда толстые кошельки и равнодушные люди переводят деньги на лечение детей.

Да он ангел во плоти, — хмыкнула я про себя. Интересно только — за какие грехи решил заняться добрыми делами? Замочил несколько конкурентов? Или все до банальности просто — воровство денег из фонда? Это мне и предстояло выяснить, внедрившись в компанию и личную жизнь Соколова Сергея Алексеевича.

Перед кабинетом директора я поправила рубашку, проверив, что она застегнута на все пуговицы, и деликатно постучала. Услышала тихое «входите» и скромно зашла.

За письменным столом, в дорожном мягком кресле сидел он. Человек, который станет моей целью на ближайшее время. Я облегченно выдохнула, увидев, что бизнесмен не старик, не толстый и не страшный. Такие тоже попадались на моем пути, и ничего унижительней в моей жизни не было.

— Денисова Маргарита Олеговна, на собеседование, — тихо сказала я.

Соколов указал ручкой на стул напротив его кресла, и я бесшумно присела, прижимая к себе папку с резюме. Хотела смущенно опустить взгляд на колени, но пока он что-то писал на бумаге, я украдкой разглядывала его. Темно-русые волосы аккуратно торчали вверх, явно уложенные гелем или пенкой. На лице грубые скулы, покрытые щетиной, уходящей вниз на подбородок и над верхнюю губу. Стрижка на лице сделана качественно — у Соколова точно хороший барбер, на которого он не жалеет денег. Под массивной челюстью виднелась крупная, широкая шея и кусочек груди, выглядывающей из-под расстегнутой на две верхних пуговицы белой рубашки.

— Давайте резюме, — прозвучал его голос, и я на секунду растерялась от баритона, вызвавшего рой мурашек.

Я протянула папку и столкнулась с Соколовым взглядом. Его холодные, светлые серо-голубые глаза смотрели без интереса, с абсолютным безразличием, и сразу уткнулись в протянутые мной листы.

Мне резко захотелось уйти. Я не любила сильных мужчин, а он именно такое впечатление и производил. С ними сложно и опасно, можно не только завалить задание, но и самой пострадать. Я крепко сжала руки и заставила себя успокоиться. Ещё ничего не случилось, он обычный мужчина, такой же похотливый, как и все предыдущие. Никаких проблем с ним не будет. Против женской красоты, которая сама идет в руки, трудно устоять.

— Не люблю опозданий, прогулов и частой болтовни на рабочем месте, — сказал Соколов таким спокойным тоном, будто рассказывал историю из жизни. — Работы много — почта, звонки, переговоры. Иногда командировки. На связи быть всегда, даже ночью и в выходные.

Я лишь кивнула, хотя он даже не смотрел на меня, продолжая внимательно, даже слишком дотошно, изучать мое резюме. С чего Юра решил, что Соколов возьмет меня? И почему нельзя было обойтись по-старинке, обычным флиртом?

— Почему хотите работать в моей компании? — спросил он, не поднимая глаз.

Я прочистила горло, задрала подбородок и сказала заученную речь:

— Мне близка сфера деятельности вашей компании. В вакансии указана возможность карьерного роста, а я не привыкла стоять на одном месте. Мне...

— Чего вы добились на прошлой работе? — перебил меня Соколов, и я стиснула челюсти.

— Прошла путь от помощника до заместителя. Ушла, потому что компания была ликвидирована.

Соколов хмыкнул, улыбнувшись одним уголком губ.

— Не из-за вас ликвидировали?

— Нет... Владелец уехал жить за границу, предлагал мне, но я отказалась. Я — патриот своей страны, — выпалила я.

— Как мило, — снова хмыкнул он и закрыл резюме. Поднял на меня глаза, и вжал своим взглядом в стул. — Я рассмотрю вашу кандидатуру и свяжусь в течение трех дней.

И сразу потерял ко мне интерес. Уставился опять в свои бумаги, заставляя меня уйти. Я медленно подняла со стула скованные мышцы, вежливо попрощалась, на что он кинул «угу», и быстро ушла.

Глава № 2 Сергей

Дверь тихо захлопнулась, и я сразу включил на компьютере изображения с камер внутреннего и наружного наблюдения. Проследил за тем, как девушка заходит в лифт, потом выходит на стоянку и уезжает на белой машине. Откинулся на спинку стула и набрал на телефоне номер из недавних вызовов.

— Приходила, — коротко сказал я после ответа.

— Ну и как? Как её теперь зовут? — хмыкнул Пашка.

Я открыл резюме и зачитал вслух:

— Денисова Маргарита Олеговна.

— Вот как? — засмеялся друг. — А была Ольгой. И что ты? Взял её сразу?

Я убрал папку и постучал пальцами по столу, разглядывая парковку возле офиса.

— Нет, конечно! Обещал позвонить в течение трех дней. Позвоню на четвертый.

— Хорош, — протянул Пашка. — Игра началась?

Я задумчиво покивал головой и улыбнулся открывающимся перспективам.

— Игра началась...

И победитель в этой игре будет только один. Точно не тот, кто уверен в своей невидимости и способности топтать всех подряд. Но это должно быть очень интересно — смотреть, как та, кто рушит чужой бизнес, остается у разбитого корыта.

Она думает, что я — очередной дурачок, который поведется на её красивую мордашку. Кто ради её внимания выложит все свои тайны, как на блюдечке. Но не знает, что именно я стану тем, кто использует её же оружие против неё. Потому что мой бизнес ни одна Ольга-Рита-Лиза не тронет. Потому что, в отличие от других, я расставил для неё ловушку, а не она для меня.

Я схватил пиджак с вешалки и уехал домой с чертовски хорошим настроением. Когда я узнал, что на мой бизнес ведет охоту самая лживая газета, которая топит в дерьме всех подряд, заметно напрягся. Столько лет отдать своей компании, чтобы в один миг всё рухнуло из-за неспособности некоторых не сунуть свой нос в чужие дела? Нет уж, не дождутся.

Мне жутко не терпелось узнать, какие же методы воздействия будет использовать журналистка, чтобы раскрыть мои тайны. Но в таком деле спешка ни к чему. Возьми я её сразу на работу, она может что-то заподозрить, да и кот, прежде чем съесть мышку... обязательно поиграет с ней. Запугает. Заставит понервничать. А она уже на первой встрече нервничала — её голубые глаза так и ждали, что я начну флиртовать, смотреть на неё, как на женщину.

Садясь в машину, я представил, о чем она думала в этот момент. Упала ли её самооценка хоть немного? Почувствовала ли, что не на всех действует её красота? В предвкушении интересной игры я завел двигатель и уехал домой.

В квартире меня уже встречали на пороге. Нетерпеливая и очень радостная рыжая морда неслась по коридору от счастья, что я вернулся домой. Я потрепал Рича по лохматой голове, быстро переоделся в спортивные брюки и футболку. Пес ходил за мной в ожидании прогулки, но больше — еды, которая давалась строго после гуляния.

— Пошли, морда, — скомандовал я, и Рич тут же ткнулся носом в дверь.

Мы дошли до парка и, как всегда, побежали. Я прибавлял скорость, пес семенил рядом, подстраиваясь под мой темп. Ловили восхищенные взгляды прохожих, кидающих комплименты послушанию и красоте собаки. Но мы не обращали внимание и были посвящены только друг другу.

Я позвонил девчонке на четвертый день, хотя руки чесались сделать это раньше. И даже не из-за моей нетерпеливости начать игру, а потому что я срочно нуждался в помощнике. Мой

прошлый секретарь ушел две недели назад, и за это время скопилось столько писем, что разгребать самому мне пришлось бы их всю неделю. Приходилось задерживаться в офисе, чтобы подписать договора, созвониться с партнерами и делать другую монотонную работу, которую я терпеть не мог.

— К своим подчиненным я обращаюсь на «ты» и по имени, — сразу сказал я Лизе, пока она читала контракт. — Испытательный срок месяц, если что-то пойдет не так, выгоняю сразу.

Я рассказывал ей о работе, одновременно печатая договор на компьютере. Она молчала, лишь кивала на мои слова и не задавала вопросы.

— Кофе я пью двойной с ложкой сахара — это важно! — добавил я. — Утром сразу нужно приготовить.

И снова молчание. Девочка готова на любые условия, лишь бы я взял её, и она смогла накопать компромат на меня. Это забавляло ещё больше, и я хотел проверить — через сколько она сбежит, оставив тухлую затею задавить меня. Пашка дал срок две недели, я остановился на одной. Хотя он мой старый друг, плохо понимает, каким я могу быть, когда мне переходят дорогу. Никакой пощады.

— За сегодня разбери почту — письма рассортируй по папкам, весь спам удали. На компьютере есть рабочий календарь, туда записывай всех, кто хочет встретиться. Должны быть заполнены все графы!

Я перевел на неё взгляд, и в её глазах сверкнула злость. Я не видел её рук, но готов был поклясться, что они сжаты в кулак, готовые влить мне по морде. Только девочка не понимала, что это только начало. Это всего лишь подготовка к тому, что её ждет дальше.

— Могу приступить, Сергей Алексеевич? — прозвучал ее тонкий, нежный голос.

Я протянул ей листок с паролями от программ и почты, а потом махнул рукой, прогоняя на рабочее место. Она поднялась со стула и направилась к двери, а я не удержался и проводил взглядом её гордую, стройную фигуру. Странно, что для своего образа она выбрала закрытую, скромную одежду. Никакой пошлости и намека на то, что она планирует соблазнить меня. Такая серая мышка, тихушница, если не знать, что вытворяет с мужиками. Но осуждать я их не буду — Лиза действительно красивая девушка, и наверняка сам бы запал, потому что устоять перед такой фигурой очень сложно.

Дверь закрылась, и я вернулся к работе. Но уже через пару минут включил изображение с камеры, чтобы понаблюдать за девчонкой. Она сидела за рабочим столом, и, поглядывая на листок, что-то печатала. Посмотрим, как она справится с нагрузкой, что я ей дал. Может, и недели не продержится, потому что вряд ли такие, как она, вообще умеют работать. Только одним местом, завлекая мужчин в свои сети.

Работа засосала меня до самого обеда, пока желудок не намекнул, что пора бы сделать перерыв. Я устало потер глаза пальцами и потянул спину, что за компьютером принимала положение шахматного коня. Позвонки приятно хрустнули, и, схватив бумаги со стола, я вышел из кабинета. Сразу бросил на стол секретаря документы и ткнул в них пальцем.

— Проверь сверки, все ли внесли предоплату. Зафиксируй в базе. — Я дождался легкого кивка и добавил: — Я на обед.

— Ваш партнер, Стаханов, не получил оплату, — быстро сказала Лиза. — Его письма и счета уходили в спам.

Я замер на месте, соображая, как такое могло произойти, но на ум ничего не пришло. Ситуация хреновая — со Стахановым мы работаем давно, и ругаться с ним мне вообще не выгодно.

— Я позвонила ему, извинилась за техническую ошибку, — добавила Лиза тихим, спокойным голосом. — Как вернетесь, подпишите счет и нужно передать в бухгалтерию для оплаты.

— А он что?

— Ругался сначала, обещал пени выставить, но куча извинений и честное слово внимательного изучения его писем немного его... расслабили.

Я чуть не хмыкнул от иронии. Честное слово дает девчонка, в которой честности нет ни грамма. Как легко вешать другим лапшу на уши и даже не испытывать угрызения совести.

Но она спасла меня, как бы ни печально было это понимать. Никто никогда не лазил в папку со спамом, а она полезла. Зачем? Сразу видно желание облазить каждый уголок моего бизнеса, без мыла нырнуть в самые укромные щели. Я не должен быть ей благодарен за это. В конце концов, это ее работа.

— А зачем ты открываешь письма из спама? — напал я. — Ты разве не знаешь, что там могут быть вирусы?

— Вирусы несут не сами письма, а вложения, — спокойно ответила Лиза. — К тому же, у вас хорошая, современная антивирусная защита на компьютере. У неё недавно обновление вышло, она даже закодированные письма считывает перед открытием.

Я не нашелся, что сказать. Скажет теперь, что я дурак, и не знаю о вирусах в письмах. Я знал. Но не думал, что она имеет познания в таких темах.

Хотя чему я удивляюсь? Вряд ли бы глупая девчонка занималась тем, чем занимается она. Нет, определенно у неё хорошо работают мозги и пользуется она ими так же активно, как и всем остальным телом.

Оставив Лизу разбираться с задачами, я быстро ушел, чтобы перестать вообще думать о ней не в том ключе, о котором я должен думать. Подумаешь, умная — что это меняет? Ровным счетом ничего. Ей просто повезло.

Глава № 3 Лиза

Мудак. Именно с такой мыслью я провожала спину босса. Хотелось плюнуть на его отглаженный, брендовый пиджак, и пришлось сильно сжать челюсти, чтобы не натворить глупостей. Сначала он три дня не давал ответ, а позвонил только на четвертый, словно специально показывая — посмотри, как я легко нарушаю собственные обещания. Я думала, он совсем не позвонит, и наймет кого-то другого, и, честное слово, это принесло облегчение.

Теперь он мне тыкает и пытается хамить, скрывая это за маской начальника. Все они, толстые кошельки, такие. Если ты — не их круга, не имеешь такой же огромный банковский счет, то и за человека считать не будут. Насмотрелась на таких. Правда, Соколов пока на первом месте по говнистости характера. Обычно начальство хоть освоится дает, а свой дерьмовый характер начинает позже показывать. А этот сразу. Будь я здесь как настоящий помощник, послала бы на хрен и ушла.

Он думает, я дура. Глупая, наивная дура, даже не знающая, что такое компьютерный вирус. Хотелось мне ему сказать, что я три года просидела за столом секретаря, и вся эта работа для меня не нова. Но там я и правда душой была. Старалась, впахивала, как лошадь, проходила курсы, чтобы подняться по карьерной лестнице. Чтобы мама, наконец, сказала — я ошибалась, Лиза, ты смогла добиться. Но так дальше секретарши не дошла, потому что начальник тоже оказался мудаком. Сначала полез под юбку, потом за отказ завалил работой и сократил премию.

А потом... Потом меня из офисного рабства вытащил Юра. Предложил работу, хорошую оплату и произошло это в тот самый момент, когда я сильно нуждалась в деньгах. И я согласилась, конечно, потому что выбора нет. Потому что ещё раз убедилась, что ничего в жизни не добьюсь, как всегда говорила мама.

Интересно — чтобы она сказала, узнай, чем я сейчас зарабатываю на жизнь? Представляю, как она хмыкнула бы со своим «Я же говорила». От этой мысли стало ещё хуже, и я заставила себя включиться в работу.

Так хотелось подставить Соколова, и я обязательно это сделаю, когда добуду информацию. Чтобы больше не обращался с людьми, как с тряпкой. Сам станет таким же, как те, кого он гнобит за отсутствие статуса и миллионного счета.

Он вернулся с обеда довольный, но встретив мой взгляд, почти скривился. Идиот. Господи, таким людям вообще нет места на этой планете. Я снова уткнулась в компьютер, продолжая делать сверки, перебирать письма и отвечать на сообщения. Многозадачность — это интересно. Учитывая, что у меня появился доступ к базам данных и операционной деятельности, я тщательно изучала всё. Конечно, для простых сотрудников большая часть важной информации была недоступна, но странное движение средств вполне можно отследить, если знать, что смотреть и где искать.

— Счет Стаханову готов? Неси! — рявкнул босс в телефон по внутренней связи.

Интересно. Он проворонил такой важный документ, его бывшая секретарша тоже проворонила, а злится на меня. Надо было молчком удалить все письма, и пусть бы он потом сам разбирался со своими партнерами. Но нет, я так не поступлю, потому что мне нужно показать себя профессионалом, чтобы он начал мне доверять.

Я положила на стол Соколова бумаги, и он сразу начал их изучать. Смотрел внимательно, видимо, ища ошибку. Я хотела сказать, что это не я печатала счет, а он пришел от Стаханова, но промолчала. Пусть проверяет. Хоть калькулятор пусть берет и пересчитывает. Или счета. Или что там у него ещё есть.

Потом он быстро накорябал ручкой свою подпись — буква С, обведенная кругом и с длинным неровным хвостиком. Написал свою фамилию, инициалы, делая все резко, вдавливая стержень в бумагу. Странно. Я думала, вампиры расписываются кровью.

— Отнеси в бухгалтерию и скажи, пусть сразу оплатят. Потом отзвонись Стаханову, что оплату провели. Скажи ему... — он задумчиво постучал ручкой по столу. — Пригласи ко мне. В среду мы планируем собрание, пусть будет. В десять.

Я кивнула, и он наградил меня безразличным взглядом. Его глаза не гуляли по телу, а смотрели строго мне на лицо. В них ни капли интереса, будто я не женщина, а дверь, которую он открывал уже сотни раз. Он смотрел как на мебель или ручку, что каждый день держит в руках. Только глаза, слишком светлые, необычного оттенка были ледяными. И от них внутри холодило так сильно, что хотелось укрыться теплым пледом.

Конечно, в моей жизни были равнодушные ко мне мужчины. Обычно это те, кто сильно предан своим женщинам, либо выбирают другой типаж. Но никто из них не отказывал себе в том, чтобы взглянуть на фигуру, окинуть взглядом. Это же так по-мужски, даже если в целом девушка не вызывает интереса. А у Соколова такого нет.

Я стояла перед ним — маленькая, хрупкая и беззащитная, как перед тем, кто должен вынести мне приговор. Как перед палачом, который через пару минут отсечет мне голову. Наверняка, ему нравилось это. Подчинять. Унижать. Показывать свою власть и силу. Уверена, что он грубый, и женщин своих берет без прелюдий. Повидала таких. И всегда их сторонилась.

Я не хотела с ним флиртовать. Оставалась надежда, что я смогу добыть информацию без унижительных подкатов к боссу. Но для этого мне придется провести на этой дурацкой должности очень-очень долго. До тех пор, пока он не поймет, что со мной можно делиться сокровенным. Если вообще поймет. Если вообще он с кем-либо делится сокровенным.

— Иди, — сказал он и опустил взгляд.

От его голоса я вышла из ступора и быстро сбежала из кабинета, где точно не хватало обогревателя.

До вечера я разгребала почту и делала сверки. Даже не заметила, как опустел офис, и все нормальные люди разошлись по домам. Когда работа была закончена, я взглянула на время — мой рабочий день закончился два часа назад. Я выключила компьютер, подхватила сумку и постучала в кабинет шефа. Он ответил сразу же, и я зашла.

— Почту я разобрала. Есть несколько важных писем, я их вам перенаправила, — отчиталась я. — Сверки сделала. По двум несовпадениям, отправила запрос в бухгалтерию, по одной нет оплаты, связалась с контрагентом, завтра дадут ответ. Я могу идти?

Соколов поднял на меня усталый взгляд, потер глаза и всего на секунду показался мне обычным, нормальным человеком. Всего на мгновение мне показалось, что он скажет такое простое: спасибо.

— Утром без опозданий! — скомандовал он.

— До свидания, — сказала я и, так не дождавшись ответа, ушла.

Ему сложно даже просто попрощаться. И это в первый рабочий день, а что будет дальше? А если я случайно накосячу? Наверняка, на этот случай у него предусмотрен костер.

Домой я приехала уже поздно, но это не помешало мне после душа открыть бутылку вина и налить полный фужер. Желудок неприятно сводило от голода — за весь день я выпила только кружку кофе утром, не было времени пообедать. Не найдя в холодильнике ничего нормального, я нарезала сыр и села возле панорамного окна.

Вид с двадцатого этажа открывался шикарный. Город погрузился в полумрак, лишь вдалеке виднелся свет из окон, моргающие сигнальные огни на крышах. И тишина. У меня нет соседей ни с одной стороны, потому что дом сдали совсем недавно, рядом почти нет инфраструктуры, и квартиры покупаются не охотно. Зато я здесь, как рыба в воде. Обожаю свою

квартиру за спокойствие, что она дарит. За уют, который я сама создала. За то, что мне не нужно притворяться, находясь наедине с собой.

Мою персональную тишину нарушил звонок телефона, и я нехотя поднялась с мягкого кресла, чтобы ответить. На экране светилась фотография подруги, и я улыбнулась, прежде чем нажать на кнопку.

— Детка, почему не звонишь? — воскликнула Лика. — Как первый рабочий день? Что было? Как он тебе?

Я снова опустилась в кресло, нажав на кнопку громкой связи. Отпила немного вина, и по горлу растеклось приятное тепло.

— Ужасно, — честно сказала я. — Он мудак.

— О, — протянула подруга. — Всё так плохо? Он такой страшный?

Я вздохнула и снова отпила вино, задержав его на пару секунд на языке. Терпкий вкус винограда мягко обволакивал слизистые, и я наслаждалась тем, как от алкоголя медленно начинает плыть голова.

— Слишком красив внешне и уродлив внутри. Никогда не думала, что ненависть к человеку может возникнуть так быстро.

— Он обидел мою ягодку? — жалостно произнесла Лика, и я улыбнулась.

— Не то, чтобы обидел... Мужлан и грубиян, вот и всё. И на меня не смотрел даже.

Даже не знаю, что из этого обиднее всего. Я столько боролась с низкой самооценкой, которая упала благодаря моей матери, чтобы снова сомневаться в себе.

— Ты раньше времени выводы не делай. Может, у него настроение плохое было. Или случилось что-то, — успокаивала меня Лика. — Ты же красотка. Ты самая красивая девочка в мире, и на тебя просто невозможно не обратить внимание.

— Перестань, — хихикнула я. — Ты просто меня любишь, вот и говоришь так.

— Нет, детка, я не просто люблю тебя. Я обожаю тебя! — Подруга поцеловала телефон несколько раз, и я немного расслабилась.

С Анжелой мы дружим с первого класса, уже почти двадцать лет. Она не просто моя подруга, она человек, который знает меня лучше меня самой. Без неё мой мир стал бы совсем крошечным и темным, потому что только она дарит мне свет, в котором я так нуждаюсь.

— Так мне что, готовиться разлучать голубков или нет? — сказала Лика, пока я допивала вино.

— Не знаю пока. Не уверена, что смогу и захочу этого. Но попробовать стоит, наверное. Может, перестанет быть таким злым.

— Вот это другое дело! Где моя уверенная девочка, к которой липнут даже школьники? Которая вызывает желание одним лишь взглядом? Не давай какому-то мудиле усомниться в себе!

— Хорошо, — согласилась я. — Лик...

— Да, зайка?

— Спасибо тебе. За всё, — улыбнулась я.

— Отдыхай, сладких снов.

Я попрощалась с подругой и убрала телефон. От выпитого вина слегка кружилась голова и дико хотелось спать. Оставив сыр не тронутым, я завалилась в кровать и сразу же заснула.

Утром я собиралась на работу с отрицанием, специально поднявшись пораньше, чтобы побороться с собой. Спокойно приняла душ, уложила волосы и нанесла легкий макияж. Надела белую блузку и оставила верхнюю пуговицу расстегнутой, слегка оголяя ключицы. Юбку выбрала снова миди, но с вырезом, чтобы виднелось бедро. Но все равно чего-то не хватало. Чего-то, что будет привлекать внимание сурового босса.

Я вытряхнула шкатулку с украшениями и достала короткую серебряную цепочку с маленьким кулончиком в виде трилистника. Кулончик упал в ямку на шее, и это точно должно

зацепить взгляд. Должен же он увидеть, что я женщина. Как говорит Лика, очень привлекательная. А кто я такая, чтобы спорить с ней?

Я приехала в офис за двадцать минут до начала работы и разгребла спам на компьютере. За пять минут до ожидаемого прихода Соколова ушла на кухню приготовить кофе.

«Двойной с ложкой сахара — это важно!», — передразнила я, запуская кофемашину. Смотрела на темную струйку и думала о том, что если плюнуть, то совсем не будет заметно. Вдохнула от осознания, что ребячество для двадцатипятилетней девушки — такое себе, и успокоилась.

Подхватив чашку с кофе на блюдце, я вернулась в кабинет и увидела приоткрытую дверь. Скривилась, мысленно настроилась на встречу с шефом, и уверенно шагнула за порог.

Соколов сидел в кресле, перебирая бумаги, и поднял на меня взгляд. А рядом с ним, присев на краешек стола, был ещё один парень. Он сразу окинул меня взглядом с головы до ног, и где-то внутри моя самооценка подпрыгнула на один пункт.

— Доброе утро, — сказала я и поставила кофе перед Соколовым.

— Здравствте, —отреагировал парень с улыбкой.

Я машинально улыбнулась ему в ответ. Довольно привлекательный — блондинистые лохматые волосы, серые глаза и теплый, заинтересованный взгляд. От его улыбки уходил дикий дискомфорт, что я испытывала в этом кабинете. Сам он не выглядел как начальник, был одет в простую белую футболку и джинсы, сильно контрастируя с Соколовым. У того идеально выглаженная рубашка и пиджак сразу говорили о том, что он — шишка, босс.

— Павел, — представился он и протянул мне огромную ладонь.

— Маргарита, — ответила я и сжала его пальцы.

Его рука оказался теплой и даже приятной, на секунду перехватило дыхание от прикосновения. Павел своим заинтересованным, добрым взглядом напомнил мне Андрея — тот смотрел на меня точно так же. И в такие моменты любая женщина будет чувствовать себя привлекательной.

— Фу! — воскликнул Соколов, заставляя нас разорвать рукопожатие. — Я тебе говорил, какой кофе пью, что ты мне принесла?

— Двойной с ложкой сахара, — тихо сказала я, не понимая, что сделала не так.

— Слишком сладко! — рявкнул он и отодвинул от себя стакан. — Переделай!

Я мысленно досчитала до трех, взяла блюдце со стаканом и хотела уйти, но он остановил меня.

— Павлу Николаевичу тоже сделай кофе.

Жаль, в моих глазах нет лазера. Я бы с удовольствием прожгла его башку насквозь.

— Какой вам кофе? — как можно спокойнее спросила я у Павла, повернувшись к нему.

— Не нужно, Марго, спасибо, — ответил он, чуть сбивая градус моей ненависти.

Я медленно кивнула и ушла переделывать кофе, мысленно вспоминая, где можно купить цианид. Нет, дело не в его плохом настроении. Либо он женоненавистник, либо просто козел, который со всеми обращается так. И в обоих случаях это доставит мне проблемы. Но когда я увижу его крах, это доставит мне самое большое удовольствие в жизни. В отличие от многих других, с кем я работала, к нему не будет никакой жалости.

Я вернулась с новой чашкой кофе и поставила перед Соколовым. Он сразу отхлебнул и промолчал. Наверное, это означает, что я справилась с такой простой задачей.

— Разбери договора, разложи по папкам и датам, — сказал он, ткнув пальцем в огромную кипу бумаг на подоконнике.

Павел ещё сидел на краешке стола и смотрел на меня, слегка наклонив голову. Я прошла мимо них, и в нос ударил приятный, терпкий запах бергамота, вот только от кого — не поняла.

Глава № 4 Сергей

— Ты не слишком с ней? — сказал Пашка, когда за Лизой закрылась дверь.

— Слишком? — хмыкнул я. — Я ещё добр.

Пашка цокнул языком и покачал головой. И это злило меня. Сам одобрил мою затею, а теперь пытается защищать.

— Какая же она... — загадочно протянул друг с улыбкой, всматриваясь в дверь, будто может увидеть Лизу через толстое полотно. — Офигенная. Теперь я понимаю, почему так легко мужиками крутит, я бы тоже не сдержался.

Я стащил пиджак и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, не отвечая Пашке. Еще не хватало, чтобы он запал на неё, и потом получил жесткий облом, потому что ей он точно не интересен, пока не владелец компании. Через него тоже можно получить много важной информации, как акционер, он имеет доступ к базам, но этого недостаточно. Тем более, что в дела компании практически не вмешивается, и предпочитает заниматься своим любимым делом.

— Всё, я точно пропал, — сказал Пашка и положил руку на грудь. — Вон сердце как колотится, сейчас выпрыгнет. На, потрогай!

Он схватил мою ладонь и попытался положить себе на грудь, но я отдернул руку с недовольным взглядом. Его это развеселило, и он передразнил мою хмурость.

— Она на тебя даже не посмотрит, — буркнул я.

— Спорим? — подскочил Пашка. — Ты только не ревнуй потом.

— Слушай, хватит, а? Ты работать пришел или ерундой заниматься! Не забывай, кто она!

Пашка подтащил стул и со скучающим видом сел рядом со мной, утыкаясь в компьютер. Иногда приходится таскать его на работу, чтобы вводить в курс дела перед общими собраниями. А то он вечно, как баран сидит с каменным лицом, не понимая вообще, что он тут делает и кто все эти люди. И без него нельзя — его корявая подпись важна на многих документах, как и явка на совещания.

Пока я монотонно бубнил другу то, что важно знать перед совещанием, он почти спал. В этом весь Пашка — он может часами возиться с машинами, тюнингую их по последнему писку моды, но сидеть на месте не для него. И как так получилось, что мы, два абсолютно разных человека, дружим уже больше десяти лет?

— Я вспомнил! — внезапно оживился Пашка, и я замолчал. — Я утюг забыл выключить. Поеду, окей?

— Какой утюг? Ты гладить не умеешь!

Друг раздраженно выдохнул и откинулся на спинку стула.

— Жрать хочу. Поехали поедим? — жалостливо сказал он.

— Ещё только одиннадцать, до обеда два часа, — напомнил я.

— Тогда можно я пойду пристану к девчонкам из бухгалтерии? — сделал очередную попытку он.

Я открыл рот, чтобы защитить своих подчиненных, но меня перебил легкий стук в дверь.

— Сергей Алексеевич, со Стахановым созвонилась, он приедет в среду, как вы сказали, — прощепетала Лиза, и говнюк рядом со мной заулыбался. — По сверткам нужна ваша подпись.

Она положила листы рядом со мной, опустив взгляд. Сегодня она одета по-другому, и я хотел сказать, чтобы она носила только закрытые рубашки, но не стал. Она поймет, что я заметил и смотрел, а мне это не нужно. Лучше пусть думает, что я не обратил внимание ни на её голые ключицы, ни на бедро. Пусть считает, что я слеп к её красоте.

— Марго, а почему трилистник? — сказал Пашка, и я машинально поднял взгляд на кулончик.

Тут же одернул себя, но она заметила, и это разозлило меня. Только Пашка внаглую, абсолютно не стесняясь, разглядывал её и подставлял меня.

— В кельтской культуре трилистник означает благословение трех стихий — земли, воды и воздуха, — сказала она Пашке. — Но я не отношусь к этой культуре, поэтому купила кулон из-за скидки.

— Как интересно, — протянул друг и поднялся со стула. — А можете меня до кухни проводить, я поищу что-нибудь поесть, и ещё рассказать о трилистнике? Мои клиенты часто просят нарисовать его, а я даже не знаю, что это значит.

Лиза взглянула на меня, но я не отреагировал. И Пашка слегка подтолкнул её в спину, задержав руку слишком долго. А если у него и правда получится окрутить её? Может, она расскажет ему правду о том, чем занимается? Я покачал головой — нет, он же глава компании, зачем он ей? Вряд ли у неё вообще есть сердце.

Я уходил с работы раньше положенного времени. По пути накидал помощнице заданий по самые уши, чтобы на глупости не отвлекалась. Пашка так и не вернулся с кухни, ускользнув у меня из-под носа под видом срочных дел. А срочные дела — это клуб, бар или ещё какое-то место, где можно весело провести время. Парню почти тридцать лет, а серьезности как у восьмилетнего пацана. Иногда я завидую его легкости и способности плевать на проблемы. Но не осуждаю — два года назад он тяжело пережил развод, и видя сейчас, что вернулся настоящий Пашка, искренне рад за него.

В машине тихо играло радио, и я не прибавлял скорость. Смотрел через лобовое стекло на живой, шумный город, думая о том, как отвадить журналистов желтой газеты от своей компании. Пока я держу врага при себе, пока контролирую каждое её действие в рабочих программах, я спокоен. Если уволить Лизу, она наверняка найдет другой способ подобраться к моему бизнесу. А так я слежу, где и сколько времени она проводит, куда заходит и кому звонит. Она права в одном — у меня действительно хорошая антивирусная защита. Но ещё и анти-журналистская программа. Если она сунет нос не туда, где ей разрешено работать, то я обязательно это узнаю. Как и в том случае, если в компьютер попадет посторонняя флешка.

Под шум мыслей я подъехал к больнице и припарковал машину. Схватил с заднего сиденья три огромных пакета и зашел внутрь. Я бываю здесь раз в неделю, и никогда ничего не меняется — тот же запах медикаментов, слишком яркий свет, снующие врачи и медсестры. Даже администраторы не меняются, и всегда улыбаются мне, открывая турникет, едва я показываюсь на пороге.

Я прошел по светлому коридору первого этажа до кабинета главврача и сразу зашел, зная, что меня уже ждут. Елена Николаевна — приятная вид женщина, поднялась со стула мне на встречу с приветливой улыбкой.

— Добрый день, — сказала она и сразу протянула мне чистый, пахнувший отбеливателем, халат.

— Как дела? — спросил я, упаковываясь по-больничному.

Я надел халат и застегнул его на все пуговицы. Потом натянул высокие бахилы, закрывающие ботинки до колен.

— Бирюкову в интенсивную терапию перевели. Маслову, наоборот, на общий режим перевели, — отчиталась главврач. — В остальном все так же.

Я молча кивнул и дождался, пока медсестра мне обработает руки и лицо. Стандартная процедура очистки перед посещением блока. От спиртового антисептика защипало кожу, в нос ударил неприятный запах, и я дождался, пока он выветрится, прежде чем подняться на второй этаж в сопровождении Елены Николаевны.

— Что с Бирюковой? Она же стабильной была, — спросил я в лифте.

— Ухудшение началось два дня назад. Иммунитет сильно упал, подхватила пневмонию.

— Держите меня в курсе, — отреагировал я, покидая лифт.

Стены больничного блока были разрисованы яркими красками. Персонажи из мультфильмов улыбались пациентам и посетителям, даря капельку нормальности. Конечно, это все жалкие попытки подарить детям частичку той жизни, которую они могли получить. Я съезжился от жалости, но тут же прогнал её от себя. Натянул улыбку и толкнул дверь в актовый зал.

— Дядя Сережа! — заорала малышня и заковыляла в мои распахнутые руки.

Некоторые шли быстрее, другие, прихрамывая, приближались медленней. Даже Илюха на коляске прикатил и схватил за халат. Они держали меня за руки, цеплялись в ноги с той силой, что у них ещё оставалась.

Я засмеялся и потрепал каждого по голове — кого-то по волосам, кого-то по косынке или лысине. Только Илюхе пожал руку — он никогда не любил объятия и всегда говорит, что мужчины не обнимаются.

— Что будем сегодня делать? — спросил я, пытаюсь протиснуться к креслу.

Ребятня отцепилась от меня, кроме Марьяны. Эта темноглазая девчушка самая тактильная из всех, и всегда сидит со мной, пока я слушаю их рассказы или читаю книги. Ей восемь, и она уже три года живет в этой больнице, не зная как выглядит настоящий дом. Когда-то у нее была семья, но она её почти не помнит. Лишь иногда рассказывает о белом соседском коте, которого она обязательно гладила на каждой прогулке.

Я упал на кресло, и Марьяна плюхнулась мне на колени, прижимаясь, как к родному отцу. Может, потому что у неё нет родителей, и она так редко получает ласку, в которой нуждается каждый ребенок. Но я не против. Каждый из них заслуживает тепло, как и все другие дети.

— Давайте, пока отмывают ваши новые игрушки, почитаем что-нибудь интересное, — предложил я.

Детвора расселась в круг на ковре и уставилась на меня нетерпеливым взглядом. Я взял книгу, открыл сказки Пушкина, поправил белую косынку на голове Марьяны, и начал читать.

Мы всегда читали только добрые сказки с хорошим концом, чтобы у детей была надежда, что их история тоже закончится хорошо. Самые взрослые из них понимают, что смерть очень близка, и нет гарантии, что её получится победить. Малыши верят — они поправятся и вернутся домой. Даже если их дом там, где нет родителей, а есть куча таких же детей.

Когда принесли обработанные игрушки, никто не подскочил. Все терпеливо дослушали сказку, а потом начали разбирать мешок, выхватывая куклы, машинки и кубики. Я смотрел на них, сдерживая боль, что разрывала изнутри. Они не нужны никому. Никто не заплатит за их лечение, не поддержит добрым словом. Не обнимет, когда им больно после процедуры.

Я сильнее прижал Марьяну, которая не торопилась к игрушкам. Лиза хочет лишить не меня бизнеса, а этих детей шанса на жизнь. Без моей компанией не будет ни благотворительного фонда, ни финансирования лечения маленьких пациентов. Она разрушит не мой мир. Она разрушит мир десятка детей.

И я не позволю этому произойти. Я уничтожу её раньше, чем она притронется к моей компании.

Глава № 5 Лиза

Неделя. Ровно столько я уже провела в аду. С каждым днем я ненавижу Соколова все больше и больше. Я не могу его видеть и слышать, мечтаю увидеть его голову на пике. Он злой, неадекватный и жестокий. Ему позавидовал бы сам дьявол, а его пытками можно наказывать опасных преступников.

Всю эту чертову неделю я впахивала, как проклятая. Он заваливал меня работой так, что не оставалось времени на кофе. Вечно голодная, уставшая и без нормального сна, потому что домой возвращаюсь не раньше десяти.

Дважды он звонил мне ночью, вырывая из сна и требуя какой-то важный документ, который ему обязательно нужен в два часа ночи. Попытки объяснить, что все документы в рабочем компьютере, не увенчались успехом.

Обычно через неделю у меня уже есть первые результаты. Как минимум, внимание мужчины, за которым я охочусь. Этот же... непробиваемая скала. Я пробовала разные комбинации одежды, разные прически и макияж. Ему плевать на то, как я выгляжу. Ещё никто так сильно не убивал мою самооценку.

Нет, иногда я все же ловлю его взгляд, когда он думает, что я не вижу. Но это так незначительно, будто он рассматривает новую накидку на диване. Как женщина я ему не интересна, и не знаю, смогу ли изменить это. Я боюсь к нему подходить, трогать его, прикасаться. Мне кажется, что если нарушу дистанцию, он вцепится зубами мне в шею.

Все мои методы не работают на нем, потому что я не могу их использовать. Слишком он неприступный и жесткий. И я уже готова сдаться. Дала себе срок ещё неделю, и если ничего не изменится, то пойду к Юре за новым заданием. А с Соколовым он пусть работает сам.

Я никогда не сдавалась. Но терпеть дальше эти унижения я не в силах. Больше пяти лет я выбиралась из ямы, в которую меня загнала родная мать не для того, чтобы так позорно упасть в неё вновь. Я ненавидела себя двадцать лет, считала некрасивой и недостойной. Когда с матерью случилось то, что случилось, я начала бороться с собой. И почти победила. А теперь... Теперь я снова получила человека, который унижает меня так, как унижала мать. В нем я вижу ее, и за это ненавижу его ещё больше.

Под шум мыслей попыталась замазать синяки под глазами, но получилось плохо. К черту. Какая разница, как выглядеть, если тебя не замечают. Единственная маленькая радость, которая не позволяет мне развалиться совсем — Павел. Он приходил раза три в офис, и всегда его открытый флирт как бальзам на душу. Он отвлекал меня от работы, таскал на кухню пить кофе, и за это Соколов зверел ещё больше. Наверное, ему не нравится, что с его игрушкой играет кто-то другой.

Я с грустью посмотрела в зеркало на опущенные веки, темные круги под глазами и сделала ещё одну попытку привести себя в порядок. Не хочется доставлять ему радость своим загнанным видом. К тому же, сегодня совещание и придут разные шишки, поэтому я не должна потерять лицо. И хотя он с радостью унижает меня при других, не хочу давать ему повод для этого.

Макияж сделал мой вид менее печальным, и я достала из гардероба облегающую юбку короче, чем обычно. Она вытягивала ноги, подчеркивала бедра и узкую талию. Надела белую блузку с коротким рукавом и не застегнула две верхних пуговицы. Волосы выпрямила и оставила распущенными, чтобы они падали на плечи. Холодный оттенок мелированных прядей делал мой взгляд более строгим и уверенным.

Я сделала фотографию возле зеркала и отправила Лике. Она ответила уже через секунду смайликом с сердечками вместо глаз. Потом вдогонку отправила мне целое письмо о том, какая я красotka, и на работу я выходила уже с улыбкой.

В офис я приехала, как всегда, первая. Сразу приготовила кофе, и появилась возле кабинета с кружкой кофе одновременно с шефом. Он открыл дверь и впустил меня первой, и я чуть не запнулась на пороге от проявления вежливости с его стороны. Пока он стаскивал пиджак и закатывал рукава рубашки, я отчитывалась о подготовке к совещанию. Он не смотрел на меня, а я смотрела на его загорелые, крупные руки, представляя то как он ими обращается с женщинами, то как ими же ломает мне шею.

Я не понимала, за что природа наградила его такой внешностью. Ему бы больше подошли красные глаза и рожки на голове. А он чертов Аполлон, в которого вселился Люцифер.

— Подготовь зал к приходу людей, — скомандовал он, усаживаясь в свое кресло. — Потом каждого встретить и проводи. Воду, закуски, все как положено.

— Да, сейчас займусь этим, — ответила я и снова, против воли, уставилась на его руки.

Со стороны казалось, будто я покорно опустила взгляд. Я надеялась, что так казалось. Потому что разглядывать шефа, которого ненавидишь всей душой — странное занятие.

— Список по рассадке, — сказал он и протянул мне маленькую бумажку.

Я шагнула к столу, схватила за листок и коснулась его пальцев совершенно случайно. Секунда, две без дыхания от пронзившего ощущения тока, и я подняла глаза. Мы столкнулись взглядами, его светлые глаза уставились в мои так, будто я не пальцев его коснулась, а раздевать начала. Но одергивать руку было уже поздно — он подумает, что я смущаюсь или, не дай бог, что мне это понравилось.

Наконец, он отпустил листок, и я смогла вздохнуть. Попятилась к двери, и быстро вышла, чувствуя холодный взгляд на своей спине.

Я подготовила зал, как положено: расставила воду и печенье, согласно рассадке выставила таблички и поправила стулья. Еще раз проверила все, убедившись, что придрататься не к чему. Наивная. Он обязательно найдет, к чему придрататься.

После подготовки зала я вернулась к рабочему месту и сразу заметила недовольного Павла. Он ворчал себе под нос, выходя из кабинета Соколова и теребил галстук на шее. Надо же, манипулятор добрался и до друга, заставив его надеть костюм.

— Доброе утро, — сказала я с улыбкой.

— О, Марго! — отреагировал он и бросил возню с галстуком. — Вы, как всегда, очаровательны!

Я смущенно заправила локон за ухо, принимая его флирт. Он казался мне забавным, а его теплые глаза после холодного взгляда Соколова были настоящим спасением. Павел неосознанно показывал, что я не сдала позиции, и ещё могу привлекать мужчин. Мне не хотелось давать ему ложных надежд, но устоять перед тем, чтобы использовать свои женские штучки, я не могла.

Павел снова схватил галстук и завязал его на обычный узел, смяв ткань. Посмотрел на меня с вопросом о своей находчивости, и я засмеялась. Подошла к нему, взялась пальцами за галстук и вытянула узел. Потом аккуратно, медленно начала переплетать концы.

— Я говорил, что ненавижу эти сборища? — тихо сказал он, наблюдая за моими пальцами.

— Да, примерно раз десять точно, — улыбнулась я.

— Вот что я там буду делать? Я название компании только недавно запомнил, — вздохнул он и перевел взгляд на мое лицо.

Я завязала галстук и поправила воротник, нарочно касаясь пальцами его шеи. Ему точно это нравилось — он замер, даже перестав ворчать.

— Я подготовила для вас шпаргалку, — тихо сказала я. — С ней вы поймете, что происходит вокруг.

— Правда? — искренне удивился он, и я посмотрела в его красивые глаза. — Да вы мой спаситель!

Я подтянула узел галстука и провела по нему рукой, приглаживая ткань. Павел с довольной улыбкой посмотрел на свою рубашку.

— Как я вам? Похож на жениха?

— Похожи, — кивнула я.

— Значит, я приглашаю вас на пробный танец, — загадочно произнес он и, не давая мне сообразить, подхватил за талию и взял руку в свою ладонь.

Я ахнула от неожиданности, и Павел тут же закружил меня в танце, не позволив сопротивляться. Из груди вырвался смех, и на душе хоть на пару минут стало хорошо и спокойно. Это могла бы быть моя обычная жизнь — флирт и танцы с симпатичным парнем, надежды на светлое будущее. Но сейчас всё это игра. Он даже не знает моего настоящего имени, не знает, кто я. Я и сама не знаю, кто я.

Павел резко остановился, перехватил мою спину второй рукой и наклонил к полу, нависая надо мной. Я взвизгнула и вцепилась в его плечи, будто он мог меня уронить. Он смотрел на меня игривыми глазами с легкой улыбкой, а я не знала, как мне реагировать. Ситуация в целом была неловкой, слишком близко его лицо от моего, но флирт — это одно, а на что-то большее я точно не готова. Хотя бы потому что должна соблазнять его друга.

Как бы странно это ни звучало, но меня спас Соколов. Его грубый, властный голос прозвучал позади Павла.

— Что происходит? Паш!

Павел закатил глаза и подмигнул мне.

— Злой начальник вышел, — прошептал он. — Сделаем вид, что не заметили его?

Я хихикнула, и он поставил меня на ноги. Сразу поправила блузку, юбку и волосы под их пристальные взгляды.

— Рита, все готово к совещанию? — сказал Соколов, и я резко подняла на него взгляд.

Он назвал меня по имени? Не «эй», а прям произнес четыре буквы?

— Готово, — сказала я и протянула ему папку.

Павлу протянула небольшой листок, и он снова подмигнул мне. Я улыбнулась, замечая краем глаза, что шеф наблюдает за нами.

— Пошли давай, — сказал Соколов и схватил Павла за плечо. — Скоро все придут, я кратко введу тебя в курс дела.

Значит, я не ошиблась, и ему действительно не нравится, что Павел уделяет мне внимание. Интересно. Что это: ревность? Или тревога за друга, что может связаться с простой смертной? Нужно было проверить оба варианта, и если первое... то он сам давал мне козырь в руки.

Я встретила гостей и проводила их в зал для совещаний. Пятеро мужчин в возрасте от сорока до пятидесяти лет, одетые в дорогие классические костюмы. Каждый из них вежливо поздоровался со мной, но особенно приятным на вид и общение оказался тот самый Стаханов. Он приветливо улыбнулся и пожал руку, и мы вместе направились в зал для совещаний. Заходили уже как старые друзья, разговаривая о жаркой погоде и любимом мороженом.

Гости расселись по местам, я осталась позади Соколова, держа в руках планшет. Он подписывал бумаги, шкрябая ручкой по листкам. Потом поднял глаза, убедился, что все на месте и окинул взглядом стол. Я не видела его лица, но напряженная спина мне не понравилась.

— Почему закуски другие? — внезапно сказал он. — И вода у всех разная? Разве трудно сделать всё по списку?

Вот чего он ждал... Унизить меня при всех. Растоптать публично, показав, кто хозяин положения. Он мог подойти ко мне до совещания, ведь наверняка видел стол, когда пришел с Павлом. Но решил оставить на сладкое. Я крепко сжала пальцами планшет и сделала глубокий вздох.

— Да, наконец-то закуски по запросу, — отреагировал Стаханов. — Твоя помощница спрашивала, что я хочу видеть на столе. И это, знаешь, Сергей, важно. Потому что у меня жуткая аллергия на орехи, а они всегда есть на этом столе.

— Вода у меня другая, — вступил ещё один гость, — я пью только газированную и определенной марки. Так что подготовка сегодня как никогда радует.

Я мысленно выдохнула и кивнула Стаханову, что улыбнулся мне. Соколову нечего было на это сказать, не станет же он спорить со своими партнерами? С теми, кто несет ему деньги или помогает их зарабатывать.

Тебе не удалось унижить меня, Сережа!

Соколов сделал вид, что ничего не произошло, и сразу приступил к рабочим моментам. Я видела, как Павел посматривает на мою шпаргалку и кивает. Постепенно разговоры перешли к решению вопросов и заключению сделок.

Я наострила уши, делая записи и стараясь не упустить важные моменты. Стояла тихо, как мышь, хотя после часа совещания ноги от каблучков гудели, как провода. От монотонного бубнежа мужчин клонило в сон, и когда Павел зевнул в кулак, я пожалела, что посмотрела на него. Зевота оказалась заразительной, и усталость совсем не бодрила.

Я слушала разговоры, иногда мысленно унося себя в выходные, где я буду два дня валяться на диване с нормальной едой и под сериалы. От мечтаний ноги заболели ещё сильнее и хотелось сбросить такие красивые, но жутко неудобные туфли.

— Договорились, — сказал мужчина рядом с табличкой Великанов. — Пусть твоя помощница подготовит договор и акт на оплату.

— Я сам подготовлю, — отреагировал Соколов, и я напрягалась.

Как я поняла из разговора, речь шла об очень крупном контракте с огромной суммой. И он, взваливший на меня всю работу, хочет сам заняться бумажками? Внутри приятно зашекетало — что-то здесь нечисто, и, кажется, я на пути к его разоблачению. Может, мне не придется унижаться перед ним, делая вид, что он интересен мне. Достаточно отследить, на какой счет упадут деньги. И если они пройдут мимо компании, то... ловушка захлопнется.

От такой новости почти прошла боль в ногах и поднялось настроение. В предвкушении, что скоро все закончится, я едва не улыбнулась. Если я права, то это будет не только новость в газете, но и анонимное сообщение в налоговую. И тогда Соколова не спасут ни связи, ни его идиотский характер.

— Предлагаю завтра отметить сделку в моем клубе, — сказал Великанов.

Мужчины закивали, и активнее всех закивал Павел. На этом совещании он был как слон в посудной лавке — самый молодой, дерзкий и абсолютно не заинтересованный в происходящем.

Клуб, значит... Интересно, Соколов заставит меня идти или нет? Если да, можно попробовать его напоить — под алкоголем мужчины становятся более стоворчливыми и ласковыми, и это может сыграть мне на руку. У меня должен быть запасной план на случай, если сделка все-таки окажется чистой.

Я посмотрела на его идеально уложенные волосы, пиджак без единого залома. Педант. Чистюля. Слишком любит себя, чтобы любить ещё кого-то. Может, и женщинами он поэтому не интересуется, предпочитая держать в своих руках только бумажки и деньги. Способны ли они на ласку? Мне казалось, что нет. И от этой мысли хотелось держаться от него подальше. Добровольно я бы ни за что не стала это проверять.

Пока я снова, даже не осознавая этого, разглядывала руки шефа, совещание подошло к концу. Мужчины поднялись со стульев, пожали руку Соколова, а потом и мне. Я всем вежливо улыбнулась и попрощалась у двери.

— Навести тут порядок, потом ко мне, — скомандовал босс, даже не повернувшись, и быстро вышел.

Я не ответила и вернулась в зал, где остался только Павел. Он с удовольствием уплетал печенье со стола и запивал водой.

— Можно я это заберу? — сказал он, тыкая пальцем в тарелки. — Очень вкусно. Всегда такое заказывайте.

Я достала из шкафа коробку и высыпала остатки печенья. Протянула Павлу, и он, набив полный рот, забрал коробку.

— Спасибо, Марго, вы чудо, — ответил он и ушел из зала.

Оставшись одна, я упала на стул и вытянула гудящие ноги. Усталость снова накатила болезненной волной, и я понимала — мой первый секретарский опыт был сказкой по сравнению с тем, что происходит сейчас.

Глава № 6 Сергей

Собрание прошло на удивление продуктивно. Великанов предложил отличную сделку с кругленькой суммой, которая мне точно пригодится. Её хватит минимум на год оплаты больничных счетов, и это не может не радовать. Осталось только провести сделку так, чтобы деньги сразу упали на счет больницы, а не фирмы, и тогда, в случае краха компании, никто не приронется к ним.

Я долго искал пути отступления на случай, если девчонка окажется сообразительней, чем я думаю. Она выдержала уже неделю пыток и сдаваться не намерена. Стержень в ней есть все-таки, как и профессионализм. Если бы не её настоящая работа, я бы свечки за её здоровье ставил. Как помощник она выкладывается на все двести. Тянет задачи, которые обычно я делил с секретарем на двоих. Накидываю ещё, и она справляется. Удивительный человек.

И ладно бы делала спуска рукава. Так нет, с каждым днем всё труднее находить то, за что можно её принизить. И кофе варит такой, как я люблю, и к партнерам нашла подход, и бумаги все разгребла. У меня даже появилось свободное время, которого раньше катастрофически не хватало.

За эту неделю много раз я забывал, кто она есть на самом деле. Или хотел забывать. Глядя на её работу, невольно приходит восхищение и жалость того, что это не по-настоящему. Все же я должен её ненавидеть. Только этого чувства она заслуживает от меня.

Тихий стук в дверь отвлек меня от мыслей, и я разрешил войти. Лиза зашла в кабинет с планшетом, и её уставший вид что-то шевелил внутри меня. Какие-то человеческие качества, которых быть не должно.

— Отчет по совещанию, — тихо сказала она и положила листок на стол.

— Заметки делала? — спросил я, читая отчет.

И снова не к чему придаться. Все подписи собраны, результаты указаны.

— Я записала весь разговор и расшифровала.

— Зачем мне весь разговор? Я должен прослушивать все два часа, чтобы найти важное?

Я бросил ей вызов, глядя в глаза. Она смело выдержала мой взгляд и протянула ещё один листок.

— Здесь тезисно самое главное. Если будут какие-то дополнительные вопросы, я найду ответ через запись.

Умна... даже слишком умна. С такими мозгами она могла бы занимать высокий пост, а не работать подстилкой в желтой газетенке.

— Разбери график персонала за прошедший месяц для начисления зарплаты. Отправь во все отделы запросы об отпусках и внеси в календарь.

Она коротко кивнула. Интересно — если я ей скажу станцевать, она станцует? На что она готова, чтобы услужить? Есть ли у неё вообще границы?

— И ещё. Я не потерплю служебные романы, — сказал я, снова провоцируя её.

— О чем вы?

— О Паше. — Я откинулся на спинку кресла, ожидая ее ответа.

— У нас с Павлом нет романа, — твердо сказала Лиза.

— И быть не может. Я понимаю — красивый, обеспеченный парень, но не здесь. В стенах своего офиса я этого видеть не хочу.

Она стиснула челюсти. Напряглась от обиды вся, но иначе никак. Не позволю использовать друга для своей цели, какой бы она ни была.

— Вам не о чем беспокоиться, — процедила она. — Обеспеченные парни не смотрят в сторону секретарш.

— Хорошо, что ты это понимаешь. А теперь иди работай.

Впервые в ее взгляде промелькнуло презрение, которое она сдерживала все это время. Видимо, я задел больную точку. Пусть знает, что здесь ей ничего не светит.

Я проторчал в офисе до ночи, ища обходные пути для денег. Если как-то просочится информация, что оплата приходит на сторонний счет, то мной наверняка заинтересуется налоговая. Раньше я проворачивал такие сделки, но за мной не следили пытливые взгляды.

Я бы мог сделать все по классике: принять оплату на свой счет, заплатить налог, а потом перевести деньги больнице. Но, если меня начнут прессовать, то счет клиники попадет под подозрение, и есть риск его заморозки. Тогда дети совсем останутся без финансирования, по крайней мере на время разбирательства.

В обоих случаях я подставлял не себя, а их — Марьяну, Илюху, Никиту, Жанну и ещё восьмерых детей, которые получают лучший уход, чем в обычной клинике. Там они, как у Христа за пазухой — их хорошо кормят, одевают, покупают дорогие лекарства, не предусмотренные программой ОМС, проводят реабилитацию. С ними всегда есть воспитатели и сиделки, помогающие ребятам учиться и не отставать от сверстников. Если прекратится финансирование, то они продолжают получать лечение, конечно, но на общих условиях.

Я не мог подвести их. Не мог оставить, лишить того, что сам же им дал. Того, чего они лишились, потеряв родителей.

Я решил рискнуть и провести оплату сразу через больницу. Великанов вряд ли будет проверять — мы работаем давно, и ему плевать, куда оплачивать. Остается только спрятать эту сделку от Лизы, чтобы она не увидела её. Возможно, мне стоит все же убрать её из своей компании, а дальше действовать уже по обстоятельствам. Осталось только найти повод для законного увольнения.

Схватив пиджак и телефон, я вышел в приемную и застыл у двери. Лиза спала, уронив голову на руки. Одна её ладонь лежала на документах, в пальцах второй зажата ручка. Я тихо закрыл дверь и подошел ближе к столу секретаря. Лиза была расслаблена, лишь слегка подрагивали длинные ресницы. Волосы упали на лицо, и моя рука дернулась, чтобы убрать их. Но я остановил себя.

Красивая. Слишком красивая, чтобы не обращать внимание. Я не хотел видеть эту красоту, но видел и чувствовал. Особенно когда она приходила в коротких юбках, с открытыми ключицами и распущенными волосами. Тело реагировало быстрее, чем мозги, и как бы я ни старалась не смотреть, все равно смотрел. И видел. Как она поправляет волосы. Как теребит кулончик. Как проводит рукой по шее от усталости.

Она не пустышка и не глупая. И это ещё больше будоражит мои нервы, такое сочетание очень опасно — можно потерять голову и не заметить. Я не мог себе этого позволить и как можно внимательней смотрел на клеймо «журналистка», которое светится у ее головы. Но и это помогает с каждым днем все хуже и хуже.

Я загонял её до того, что она заснула на рабочем месте, и вместо того, чтобы радоваться, я испытывал жалость. И далекое чувство вины. Но разве она заслужила этого? Все те люди, что потеряли бизнес из-за неё, разве они не жалели, что поддались на её манипуляции? Я не хочу быть одним из них.

Мне нужно крикнуть, разбудить, отправить домой или заставить закончить работу. Сделать что-нибудь, за что она снова будет смотреть с презрением и ненавистью. Но вместо этого я аккуратно притронулся к её руке, и кожа под моими пальцами оказалась нежной и мягкой. Я провел по кисти и предплечью, делая глубокий вдох от желания, от мыслей. Её пальцы слегка дрогнули, лицо нахмурилось, но дыхание оставалось ровным.

— Рита, — позвал я и убрал руку.

Она тут же открыла глаза и подняла голову, растерянно смотря на меня. В голову резко воткнулась мысль — вот бы увидеть её такую у себя дома. Ночью или утром, неважно.

— Простите, — прошептала она. — Я... даже не заметила, как уснула.

— Иди домой. Завтра закончишь.

Я сжал ладонь, которой касался её, и отступил назад. Быстрым шагом вышел из офисного центра и прыгнул в машину, пытаюсь как можно скорее уехать. Завел двигатель и убрал руки от руля. Потянулся к бардачку, открыл его и достал фотографию. Снимок, который мне всегда будет напоминать о том, что я не монстр. Я делаю это ради неё. Ради той, что улыбалась со снимка. Со смешными хвостиками, мягким мишкой в руках, она смотрела хулиганистым взглядом — таким, каким смотрят дети в шесть лет.

«Мне страшно», — прозвенел в голове тихий голосок. «Все будет хорошо, ты поправишься», — обещал я. И она верила, крепко сжимая мои пальцы. Она думала, что старшие никогда не врут. Она так и не узнала, что взрослые иногда вынуждены врать.

Утром я не обнаружил Лизу на рабочем месте. Только жужжащий компьютер говорил, что она пришла и, скорее всего, убежала за моим кофе. Я помнил, что хотел ее уволить, найти бы только — за что, чтобы всё было чисто. Лучше, конечно, добиться того, чтобы она сама ушла, но держится слишком стойко.

— Доброе утро, — прохрипела Лиза за моей спиной, и я обернулся.

Уставшее, осунувшееся лицо, опущенные уголки губ, потухшие глаза. Нет, жалеть я ее не собираюсь, даже если всё мое нутро кричит об обратном. Её никто здесь не держит клешнями, и нормальный человек давно бы свалил, послав меня на хрен. Но она не уходит. Она стойко выдерживает все мои издевательства, лишь бы достичь своей цели.

Лиза поставила кружку на стол и отошла на два шага. Я спокойно сел в кресло, отхлебнул ароматный напиток, только сейчас поняв, что она легко может подмешать туда чего-нибудь. Интересно, она способна на такое?

— Задачи будут? — тихо спросила она, наблюдая, как я пью кофе.

— Доделай то, что вчера не сделала.

— Я вчера доделала, когда вы ушли, — ответила Лиза, и я снова посмотрел в эти грустные, уставшие глаза.

— Я по-моему тебе сказать уйти домой, — сказал я слишком резко и грубо.

Она спокойно выдержала мой выпад, лишь задрал подбородок. Когда только пришла, то боялась даже взгляд от пола поднять, а теперь показывает гордость?

— Я решила не оставлять вчерашнюю работу на сегодня.

Я понял, что она имела в виду. Что сегодня я снова завалю ее задачами, и она не справится с нагрузкой. Но задание не позволяет сдаться и с достоинством покинуть мою компанию.

— Идем, покажу, что нужно сделать, — сказал я и открыл программу на компьютере.

Лиза неуверенно подошла, готовая в любой момент сбежать от моего общества и остановилась на два шага от меня. Это позабавило — неужели она меня боится?

— Подойди ближе, я не кусаюсь, — хмыкнул, наблюдая за страхом в ее глазах.

Лиза что-то сказала одними губами, наверное, отрицая мои слова, но все же подошла ближе и замерла рядом с левой рукой. И сразу в нос ударил запах. Я не силен в ароматах, и точно не умею определять, чем пахнут духи, но уловил что-то фруктовое, теплое и не сильно сладкое. Лиза почти не дышала, либо делала это бесшумно, обнимая себя руками за живот.

Я открыл программу и показал пальцем на графу:

— Вот смотри — здесь цифры разнятся со сверкой. Нужно выяснить — почему.

Лиза, поняв, что в данный момент я не опасен и не собираюсь набрасываться на нее, как дикий зверь, слегка расслабилась. Облокотилась одной рукой на стол, вторую протянула к мышке.

— Можно? — тихо спросила она и повернула голову.

Пару секунд мы молча смотрели друг на друга, будто что-то должны сказать. Тишину кабинета нарушало только тиканье секундной стрелки на моих часах и ровное, мерное дыхание обоих.

Я убрал руку с мышки, и она сразу схватилась за нее, отводя взгляд на монитор. Волосы упали ей на лицо, и я краем глаза видел только длинные ресницы и тонкий, прямой нос. Ее пальцы ловко нажимали на кнопки, бегали по клавиатуре, а я не знал, куда мне смотреть — на нее или в монитор.

— Скорее всего, ошибка бухгалтерии, — сказала Лиза. — Неправильно указан процент и выполнено распределение. Я отправлю им запрос, чтобы скорректировали.

— И подготовь ведомости на зарплату, — кивнул я и забрал у нее мышку.

Лиза выпрямилась и отошла от стола, оставляя после себя запах туалетной воды.

— К семи организуй такси для нас. Поедем в клуб, — сказал я, уходя в работу.

— Вместе? — удивленно произнесла она, и я выглянул из-за монитора.

— А тебя что-то смущает?

— Нет... просто...

— Значит, делай, как я говорю, — приказал я, и она сразу ушла.

До обеда я работал на автомате — договора, счета, бесконечные подписи, оставленные на бумагах. Лиза заходила несколько раз, приносила документы и быстро уходила, будто я и правда мог ее укусить. Может, и мог, но не в том смысле, в каком думает она. Эти мысли отвлекали от работы, запах отвлекал от работы, всё отвлекало от работы, и к обеду я сдулся. Схватил вещи и ушел на перерыв, навалив помощнице еще работы.

Уже в кафе я, сидя у окна, задумался: а она вообще ест? Ни разу не видел, чтобы Лиза уходила на обед. Торчит в офисе до позднего вечера, иногда до ночи, и, в отличие от прошлых секретарей, не хрустит печеньем или яблоками на рабочем месте. Она не может оставить пост, пока меня нет. Уйти без моего разрешения тоже не может. А это значит... Это значит, что я не о том думаю. Какое мне вообще дело? Девушки вечно худеют, сидят на диетах, может это как раз ее случай?

Хотя, зачем ей худеть? У нее всё отлично с этим, что сверху, что снизу. Тонкая, хрупкая... Я машинально посмотрел на свои ладони — большие, широкие, я бы мог ими почти полностью обхватить ее талию.

Выругавшись под нос, я уткнулся в тарелку и запихнул в себя остатки обеда. Это хоть немного помогло не думать.

Такси за нами приехало ровно в семь. Мы молча, не сказав друг другу ни слова, вышли на парковку и сели в машину с разных дверей. Я бы мог не брать её с собой, дать отдохнуть, но тогда она подумает, что я жалею её. А она не должна так думать. У меня совсем другая цель — дать ей повод уйти. И если для этого мне нужно вымотать её физически и морально, то пусть так. Лиза не дура, в конце концов, рано или поздно поймет, что такая нагрузка ей не по силам. Каким бы крутым журналистом ты не был, физиологию не обманешь, а ресурсы не бесконечны.

Мы ехали молча. О чем нам было разговаривать? О работе? Иногда даже меня от неё уже тошнило, и выходя из офиса, хотелось оставить все дела за стенами бизнес-центра. Или о теплой летней погоде? Бред вообще. Тем более, что не хамить ей я не умею.

В клубе нас встретила администратор и проводила в ВИП-зону, где на мягких синих диванах уже устроился Великанов и Стаханов. Мы пожали друг другу руки, они поздоровались с Лизой, и мы сели на разные диваны. Сразу вошел официант, поставил на стол шампанское, виски и тарелки с закусками. Я не хотел пить, но в наших кругах закреплять крупные сделки спиртным было важной традицией, и я плеснул виски в стакан. Стаханов поухаживал за Лизой и налил ей шампанское. Я хотел сказать, чтобы на голодный желудок она не пила много, но промолчал. Это снова не мое дело.

Мы обсуждали рабочие моменты, условия контракта на дружелюбной ноте. Фактически, это тоже совещание, но в неформальной обстановке. Из-под двери уже доносилась музыка, а Стаханов наливал Лизе второй фужер. Её щеки покраснели от алкоголя, уставший вид как рукой сняло. Кажется, она даже повеселела, общаясь с моим партнером. Я прислушался к их разговорам.

— Если Сергей будет обижать, приходите ко мне работать, — сказал Стаханов. — Предложу большее жалование, чем он.

Я едва не засмеялся. Вот чудак, не понимает, что приглашает свою погибель. Будь он не моим партнером, я бы с радостью поделился помощницей, чтобы насолить ему. Но он был важен моему бизнесу, поэтому я наострил уши, слушая, как Лиза вежливо не соглашается, но и не отказывается. А он тоже мне, хорош. Хочет из-под носа увести секретаря, даже не спросив меня об этом.

— Всем здравствуйте! — завопил Пашка, вламываясь в кубрик.

Довольный до кончиков волос, он пожал всем руки, и ладонь Великанова тряс особенно долго.

— Петр Олегович, клуб — отпад! — восхищался друг. — Теперь только к вам!

— Приходи, Паш, своим вход бесплатно, — улыбнулся Великанов.

Пашка хлопнул меня по плечу и завалился рядом с Лизой, закидывая руку на спинку дивана за её головой. Она сразу повернулась к нему и улыбнулась. Друг схватил со стола стакан с виски и отхлебнул добрую половину. Начал что-то оживленно рассказывать, намеренно касаясь руками то её волос, то рук. Лиза смеялась. Интересно — а сейчас она настоящая или тоже играет? Если в той, что работает на меня, хоть что-то от настоящей Лизы или всё это фальшь?

Заметив мой взгляд, Лиза сразу убрала улыбку и глотнула шампанское. Как мне показалось, слишком много. Чуть отстранилась от Пашки, чтобы не давать мне повода для очередных нотаций. Только я все равно злился. Друг лезет не в свое дело! Будто специально меня бесит!

— Мужчины, я уведу Марго на пару минут, — сказал Паша, не давая мне возразить.

Куда он её повел и зачем — я не знал. И не хотел знать. Плевать. Завтра проведу с ним беседу и напомним, что она не просто красивая девушка, она — наш общий врач. И пока он пускает по ней слюни, она строит план, как оставить нас без денег.

Я ненавидел этот вечер и хотел оказаться дома, рядом со своей собакой. Вытащить Рича погулять, пробежаться по парку и перестать думать о том, что мой лучший друг флиртует с девчонкой, которая... Я вздохнул. Нет, она мне не нравится. Она мне не может нравиться, потому что кроме красивого лица и ума должно быть что-то ещё. Мне не пятнадцать, когда гормоны управляют твоей жизнью и чувствами. Я пережил несколько отношений и знаю, что симпатия не рождается из воздуха. А из ненависти — тем более.

Но когда Лиза вернулась одна, я мысленно выдохнул.

Глава № 7 Лиза

Пить и не есть — самая плохая моя идея за последнее время. Усталость, недосып, голод и алкоголь свалились на меня бетонной плитой, и уже после двух фужеров поплыла голова. Только ледяные глаза, как два айсберга, немного приводили в чувства, но не надолго.

Спасибо Павлу, что утащил танцевать, и я хоть немного стала бодрее, а не как пожухлый банан. А потом он ушел к друзьям, сказав, что ему в компании партнеров скучно. И я не осуждаю его — в нем кипит жизнь, и мне даже немного завидно. Он живой, настоящий и делает то, что хочет. Не притворяется, не нуждается в том, чтобы унижать других.

Я откинула голову на спинку дивана, мечтая прикрыть глаза и уснуть прямо здесь. Но снова спать перед начальником — плохая идея. Вообще что-либо делать при нем — плохая идея.

Тихие разговоры мужчин никак не бодрили, и я почти отдалась сну. Вовремя себя одернула и схватила фужер. Каждый глоток был решающим, но это единственное, что спасало меня от позора или, наоборот, приближало к нему. В какой-то момент мне стало плевать. Голова медленно отключалась от происходящего, лишь подкидывая обрывки памяти.

Мама стоит передо мной и качает головой. Я смотрю на неё с вопросом — что опять сделала не так? Но спрашивать не было смысла, она находила, к чему придраться даже когда я спала. И я молчу.

— Бестолковая! — говорит мать, и звук похож на змеиное шипение. — Никогда ничего нормально не можешь сделать.

Я не отвечаю, лишь покорно склоняю голову. Мама учила с детства, что спорить с родителями и старшими нельзя. Чтобы тебе ни говорили, ты должен молча проглатывать это.

— Я тебя для этого воспитывала? — мама переходит на ультразвук, и я морщусь от её вёдливой, слишком громкого голоса. — Так и знала, что не будет толку от тебя!

Уже позже я пойму, что у неё, у человека, который в одиночку воспитывал меня, проблемы с психикой. Она всегда игнорировала их, когда они не стали очевидны. Но для меня будет уже поздно — самооценка разрушена, модель поведения выдолблена в голове. Я буду долго считать себя пустым местом, и только спустя несколько лет научусь любить при условии, что кто-то подтвердит мою значимость.

— Рита! — раздался рядом голос, и я посмотрела в стену. Я не Рита. Я — Лиза.

Только спустя несколько секунд до меня дошло, что я же Рита. Одна из форм никчемной Лизы, которая не может справиться со своей задачей.

— Домой едешь? — спросил Соколов, смотря на меня сверху вниз. Впрочем, как всегда.

— Нет, — ответила я. — Останусь.

Меньше всего мне хотелось снова ехать с ним в машине. Ещё меньше мне хотелось, чтобы он смотрел на меня.

И он ушел. Молча, не попрощавшись, не приказав завтра не опаздывать. Потерял интерес так же быстро, как к некрасивой вещи в магазине.

Я с трудом поднялась с дивана и спустилась вниз, к барной стойке. Здравая мысль кричала, что я должна вызвать такси и уехать домой, но я заткнула её и заказала шампанское. Плевать. Теперь мне не страшно опозориться. Он ушел. Мой самый главный страх. Моя самая горячая ненависть.

Мысли скакали в голове, как неоседланный конь. Я думала то о матери, то о Соколове. Они одинаковые. Они так похожи, что рядом с ним я снова возвращаюсь туда — в бедную квартиру, где не было мира. Где за непослушание и любые слова, которые не нравятся матери, шло наказание. Моральное и физическое унижение. Он такой же. Ненавижу его.

Музыка била по ушам до боли в висках, от моргающего света рябило в глазах. Рядом ходили и разговаривали люди, а я просто была. Сидела на стуле возле стойки, допивая очередной бокал шампанского. Каждый глоток шел все тяжелее и тяжелее, не давая облегчение.

Алкоголь не помогает забыть. Он помогает вспомнить. И я всё вспомнила — и детство, и юность, и неделю работы в аду. Каждое его слово, как пощечина, оставляющая красную отметину на теле. Каждое унижение как триггер, возвращающий меня туда, откуда я с таким трудом вырвалась.

И впервые я готова сдаться. Я достала телефон, чтобы отправить ему сообщение, послать на три буквы и уволиться. Иногда бегство — это не трусость. Это способность сохранить остатки лица.

Перед глазами всё плыло, и я с трудом открыла сообщения. Пальцы не слушались, а голова казалась такой тяжелой, что болела шея её удерживать. Рядом со мной кто-то крутился, задевал руки и что-то говорил. Я слышала только гул в ушах, пока ко мне не прикоснулись.

Быстро заблокировав телефон с набранными двумя словами, я подняла голову. Два парня, незнакомых, спрашивали, как меня зовут. Предлагали выпить, пойти с ними в ВИП-зону или что-то в этом роде. На самом деле, я их не слышала. Я представляла, что они говорят, потому что их взгляды сверкающих глаз не нуждались вообще в том, чтобы открывать рты.

— Не интересно, — пролепетала я и отвернулась.

Снова разблокировала телефон, попав по нужным цифрам только с третьего раза. Так, на чем я остановилась? Я написала «Пошел ты», и меня прервали. Но снова я не успела закончить предложение, как чужая рука упала мне на спину.

— Отвалите! — рявкнула я так громко, что расслышала собственный голос сквозь шум в ушах.

Парни переглянулись и, наконец, оставили меня в покое, удаляясь на танцпол. Я схватила фужер и одним глотком осушила его. И этот глоток стал решающим. Музыка затихла или я оглохла, перед глазами всё закрутилось и завертелось, как на юле.

И я почти свалилась с барного стула, уже не в силах сопротивляться головокружению, но меня снова коснулись. Не просто коснулись, а схватили и подняли на ноги. Я попыталась отбиться, толкнуть, но рука на моей талии оказалась крепкой и сильной. Он вернулся? За мной?

— Идем, Марго, домой пора, — прозвучал за моей спиной мягкий голос, и меня потащили сквозь толпу.

Я разочарованно выдохнула. Конечно, он не вернулся бы. Зачем ему возвращаться?

— Паша, — сказала я и посмотрела на него. — Я... сама.

Получится невнятный лепет, и Павел только улыбнулся.

— Ты такой хороший, — пролепетала я.

Но снова получился набор звуков. И я бросила затею разговаривать с ним, позволяя увести себя на улицу. Как по заказу, у порога оказалась машина, и Павел запихнул меня в салон. Я тут же рухнула на кресло, пока он садился с другой стороны.

— Где ты живешь? — спросил он.

— Дома... — выдавила я с огромным трудом, уже проваливаясь в сон.

Утреннее пробуждение оказалось странным. Сначала в нос ударил запах — незнакомый, мужской, резкий. Я с трудом, преодолевая дикую головную боль, разлепила глаза и уставилась в белый натяжной потолок. Понимание того, что я не дома, приходило медленно, как и воспоминания.

Клуб, алкоголь, Соколов, Павел. Господи... Я резко повернула голову, сощурившись от кувалды, ударившей по вискам, и никого не увидела на второй половине кровати. Заглянула под одеяло и облегчение пришло мгновенно — одетая.

Я скинула одеяло и схватила сумку, заботливо оставленную на тумбочке. Разблокировала телефон и увидела свою попытку послать начальника. Вот это я вчера напилась! Быстро удалила сообщение и посмотрела на время.

— Черт, — выругалась я и подскочила с кровати.

И что делать дальше? Павел привел меня к себе домой, а как теперь незаметно ускользнуть? Я аккуратно выглянула в светлый, просторный коридор и выползла, как раненая улитка. В голове стучало миллион настырных молоточков, вызывая желание взять пилу.

— Доброе утро! — раздалось откуда-то сбоку, и я застыла на месте. — Аспирин и кофе готовы. Ванна дверь налево.

Ругаясь на себя за алкоголизм, я нырнула в ванную и отражение в зеркале мне совсем не понравилось. Косметика поплыла, вместо уложенных волос — торчащее в разные стороны сено. Я с грустью признала факт, что выгляжу как уже начавший разлагаться мертвец, и вытерла остатки косметики. Попыталась пригладить волосы, но без расчески это сделать было невозможно, проще подстричь.

Лохматая, в помятой рубашке, но с чистым лицом, я вышла из ванны и по запаху кофе нашла кухню. Павел сидел в телефоне за высоким столом и смотрел без осуждения.

— Павел, а у вас нет случайно расчески? — жалобно произнесла я.

— Мне казалось, мы вчера перешли на «ты», — улыбнулся он и вогнал меня в краску. — К сожалению, нет. Могу только вилку предложить.

— Ладно, — выдохнула я. — Мне бежать надо, на работу опаздываю.

Он подвинул стакан с водой и кивнул на него.

— Лекарство. Станет легче.

Я не стала спорить и выпила залпом весь стакан, смягчая пересохшее горло. Следом Павел подвинул кофе, а я уже нервничала, что опаздываю, но не отказалась.

Кофе оказался вкусным и очень бодрящим. Если, конечно, после недельного недосыпа что-то вообще может бодрить. Пока пила кофе, осмотрелась вокруг себя. Большая, светлая кухня, сделанная из дорогих материалов. Сразу видно, что у Паши есть деньги и вкус.

Сам он вписывался в свою кухню и выглядел на своем месте. Даже не знаю, странное ощущение, что он шел в комплекте с этой квартирой.

— Я вчера ничего... ну... — протянула я с неловкостью.

— Нет, спала вполне себе прилично, — хохотнул Павел.

— Спасибо, Паш, я немного перебрала и... — Я посмотрела на часы. — И дико опаздываю! Меня начальник сожрет!

— Я отвезу тебя, поехали.

Он кивнул в сторону двери, и я, нацепив свои туфли, стоящие на пороге, вышла из квартиры. Вот же дура, опозорилась не перед Соколовым, а его другом. Хотела напоить шефа, а в итоге напилась сама. Классно! И когда всё пошло по одному месту?

Паша открыл мне пассажирскую дверь, и я нырнула в салон. Как стыдно-то, Господи. И пусть он не показывал вида, мне все равно было неловко. Он вообще оказался рыцарем, отличие от своего друга. Вот только Паша не знает, что я не настоящая. Знал бы он, кто я, и не посмотрел в мою сторону. А он ухаживает, беспокоится, флиртует. Хороший парень. Жаль только время на меня впустую тратит.

Я разгладила блузку и снова поправила волосы, чтобы на работу прийти более-менее приличной. Соколов все равно не заметит. Он вообще меня не замечает, даже если я голая приду на работу. Хотя, нет. Наверняка он найдет, к чему придраться даже в моей фигуре.

Я нервно поглядывала на часы, понимая, что опаздываю. Но торопить Павла не стала, я и так ему теперь обязана.

В офис мы поднимались уже ровно в восемь. В то время, когда я обычно несу кофе монстру с серыми глазами. Как же это надоело! И почему бы мне просто не уйти, не забить на

задание, ведь все равно ничего не удастся узнать? Подумаешь, такое бывает. Когда я не нахожу компромат, мы просто оставляем человека в покое. Может, это тот самый случай?

Стук моих каблуков отбивался от стен и пронзал больную голову. Павел шел следом и точно не нервничал так, как я. Я и сама не понимала, что меня так беспокоит. Подумаешь, опоздала на пару минут — с кем не бывает?

Планируя закинуть сумку и пойти за кофе, я открыла дверь и с трудом заставила ноги войти в приемную. Соколов стоял у моего стола и что-то искал в бумагах. Услышав мои шаги, он поднял взгляд и ровно пять секунд сверлил меня глазами, а потом столько же — Пашу. Медленно, как кобра перед броском, он выпрямился, продолжая смотреть, как я подхожу к столу и ставлю сумку.

И тут он окинул меня медленным, слишком тягучим взглядом. Впервые он так смотрел на меня, но это была не оценка красоты. Это было не восхищение стройными ногами. Это было сканирование, поиск брака. И я невольно съежилась от этого взгляда.

— Ты почему в таком виде? — тихим, низким голосом сказал он.

— Не успела утром переодеться, — ответил за меня Павел и сделал только хуже.

— Ты на работу пришла или куда? — добивал Соколов, и под его взглядом я становилась совсем крошечной.

Просто отправь его в путешествие на три буквы. Открой рот и скажи всё, что думаешь о нем, а потом с достоинством уйди, — приказывала я себе. Но молчала.

— Быстро привести себя в порядок! — рявкнул он, и я вздрогнула. — Час тебе на всё, вечером отработаешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.